

YEREVAN PRESS CLUB

ГРАЖДАНСКАЯ (TRACK 2) ДИПЛОМАТИЯ
МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ПЕРСПЕКТИВЫ
НА БУДУЩЕЕ

Данное исследование было проведено при поддержке Фонда Фридриха Эберта. Мнения, высказанные в настоящем документе, не обязательно отражают позицию Фонда Фридриха Эберта.

2025
ОКТАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
КОНТЕКСТ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА	6
ЭТАПЫ «ПОДГОТОВКИ ОБЩЕСТВ К МИРУ»	9
ДИНАМИКА ПОСЛЕ 44-ДНЕВНОЙ ВОЙНЫ	20
КАК ПОВЫСИТЬ РОЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ?	26
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	30

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проводилось посредством интервью и изучения находящихся в открытом доступе материалов, а также обобщения и анализа полученной информации экспертами Ереванского пресс-клуба.

Целями исследования была инвентаризация опыта армяно-азербайджанского взаимодействия в рамках «дипломатии второго плана» (Track 2» diplomacy), выявления перспектив этого взаимодействия в новых условиях и разработка рекомендаций как для действующих и потенциальных участников диалоговых инициатив, так и для национальных и международных инстанций, принимающих решения о поддержке подобных инициатив. Для интервью с представителями гражданского общества и отдельными лицами Армении, вовлеченными в диалог с азербайджанскими партнерами, были подготовлены следующие вопросы (в ходе интервью затрагивались и дополнительные, уточняющие аспекты):

1. В каких программах армяно-азербайджанского диалога вы участвовали?

- С кем вы сотрудничали (кто был донором, кто был партнером с армянской, азербайджанской или третьей стороны, если таковые имелись)?
- Опишите вашу роль в ходе реализации программы/программ.
- Какие действия были предприняты в рамках программы/программ?
- Каких результатов вы добились?

2. Если вы реализовали или участвовали в более чем одной программе армяно-азербайджанского диалога, пожалуйста, назовите самую успешную программу.

- Почему она была самой успешной?
- Почему другая/другие были менее успешными?

3. Имеете ли вы опыт сотрудничества с организациями гражданского общества из третьих стран при реализации армяно-азербайджанских программ (не в качестве донора, а в качестве участника)?

- Если да, то из каких стран (Грузия, Турция и т. д.)?
- Каким был этот опыт?

4. Какой период переговорного процесса по нагорно-карабахскому конфликту был наиболее перспективным, по-вашему мнению, с точки зрения возможности достижения соглашения? Почему?

5. Как вы оцениваете роль России в конфликте с 1988 года по настоящее время?

6. Влияла ли гражданская дипломатия на процесс урегулирования?

7. Какие политические (геополитические) факторы и в какие периоды влияли на интенсивность и эффективность диалога (взаимодействия) между представителями гражданского общества двух стран?

8. Какие направления взаимодействия гражданского общества были наиболее эффективными?

- гуманитарное (военнопленные, заложники, беженцы и т. д.)
- миротворческие (сближение, общение и т. д.)
- обсуждение моделей урегулирования
- обмен опытом по защите прав и интересов, продвижению реформ в различных сферах жизни и т. д.
- совместные исследования
- противодействие информационным войнам и формированию образа врага
- другое

9. В чем заключается «добавленная стоимость» взаимодействия гражданского общества Армении и Азербайджана? Насколько оно востребовано на официальном уровне?

10. Какова роль средств массовой информации в освещении нагорно-карабахского конфликта и армяно-азербайджанских отношений, и какой она должна быть?

11. В какой степени условия деятельности НПО в Армении и Азербайджане позволяют вести эффективный диалог на уровне гражданского общества, экспертного сообщества и журналистов? Случалось ли, что вы предлагали сотрудничество азербайджанской стороне и получали отказ вследствие практикуемых в странах ограничений?

12. Приемлемо ли для представителей гражданского общества и Приемлемо ли для представителей гражданского общества и средств массовой информации сотрудничество со спецслужбами своих стран в вопросах, касающихся отношений между Арменией и Азербайджаном? Какие формы такого сотрудничества допустимы?

13. Какие изменения необходимы, чтобы гражданское общество и представители СМИ могли внести большой вклад в урегулирование конфликтов?

14. Может ли армянская диаспора способствовать гражданским инициативам, направленным на урегулирование конфликта? Каким может быть ее вклад?

15. Как вы оцениваете вклад международных (иностраных) донорских организаций в урегулирование конфликта?

16. Как международные и иностранные неправительственные организации и аналитические центры могут способствовать армяно-

азербайджанскому диалогу и урегулированию конфликтов? Насколько эффективно они выполняют свою миссию?

17. Необходим ли периодический всесторонний анализ достижений и ошибок на уровне гражданского общества, экспертов и средств массовой информации для определения приоритетов дальнейших усилий? Существует ли потребность в таком анализе со стороны конфликтующих сторон и международных структур, каким может быть его практическое применение в нынешних условиях?

КОНТЕКСТ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

Интервью в рамках данного исследования было проведено с двадцатью представителями армянского сектора НПО, экспертного сообщества и СМИ, имеющими определенный опыт взаимодействия с азербайджанскими коллегами и партнерами. Для анализа данных важно было понять, каково, в целом, отношение респондентов к конфликту и перспективам урегулирования (4-5 вопросы предложенной им анкеты).

По вопросу наиболее благоприятного периода для урегулирования конфликта мнения участников исследования существенно разнятся. Примерно четверть респондентов считают, что наилучший шанс для урегулирования представился сразу после окончания карабахской войны 1992-1994 годов, когда, по мнению некоторых, руководство РА было «самостоятельным геополитическим субъектом». Кроме того, Армения была победившей стороной и могла твердо отстаивать свои национальные интересы, отказавшись при этом от максималистских подходов. Вместе с тем, сторонниками этой версии высказывалось мнение, что Азербайджан так или иначе не согласился бы на какой-либо статус Нагорного Карабаха вне собственного суверенитета.

Довольно распространенной позицией было увязывание перспектив урегулирования с личностью Гейдара Алиева, который, по мнению определенной части респондентов, был в большей степени склонен к компромиссам, чем его сын и преемник. В частности, перспективными с точки зрения урегулирования назывались последние годы президентства Алиева отца. Кроме того, по представлению одного из респондентов, «в Азербайджане еще не было воспитано поколение, которое ненавидит все армянское. Искажения истории еще не приняли тотальный характер, а пропагандистская машина охватывала не столь массовую аудиторию». Высказывалось также мнение, что более-менее благоприятный период продлился до 2013 года, пока посредники проявляли искреннюю заинтересованность в обсуждении различных компромиссных вариантов, переговоры шли интенсивно, многочисленные программы обеспечивали контакты специалистов, простых людей, молодежи. В Азербайджане сохранялись относительные свободы, а в Армении еще не изменилось отношение к «освобожденным территориям», как к подлежащим возвращению.

Третье-четвертое места по частоте упоминаний в качестве перспективных для переговоров «делят» первые годы после вспышки конфликта (1988-1991) и

период между началом войны в Украине и массовым исходом армян из Нагорного Карабаха. Сторонники первой версии в качестве аргумента приводят то обстоятельство, что вражда между обществами еще не так сильно углубилась, а человеческие связи были еще свежи: именно тогда, как выразился один из респондентов, «нужно было ставить точку, а не многоточие». В одном из ответов временные рамки и модель урегулирования еще более конкретизируются: самоопределения карабахских армян в приемлемой для Азербайджана форме был шанс добиться в период, когда Комитет специального управления в Нагорном Карабахе возглавлял Аркадий Вольский. Но предложения последнего были бойкотированы местной армянской элитой, в чем решающую роль сыграл в дальнейшем второй президент РА Роберт Кочарян. В случае же осуществления плана Вольского при распаде СССР армяне и азербайджанцы могли бы разойтись мирно.

Второй вариант (2022-2023 годы), по мнению его сторонников, был перспективным, поскольку Россия полностью сосредоточилась на войне в Украине и не могла, как прежде, негативно влиять на процесс урегулирования, а то соглашение, которое Баку и Ереван в итоге парафировали в августе 2025 года, уже тогда должно было быть приемлемо для сторон и позволило бы избежать трагического развития событий в сентябре 2023 года.

Среди опрошенных оказались и сторонники версии, что наиболее благоприятные возможности для нормализации армяно-азербайджанских отношений открылись сразу после «бархатной» революции в Армении 2018 года. Власти РА впервые после 1991 года обладали большим запасом общественного доверия, пользовались доброжелательным отношением со стороны Запада, какое-то время без очевидного негатива воспринимались на официальном уровне Москвой и даже в Азербайджане определенный период рассматривались как авторитетный и перспективный партнер по переговорам.

Присутствовала также точка зрения, что урегулирование конфликта путем переговоров не было реалистичным в принципе. Во-первых, эту задачу по целому ряду причин никак не способна была решить Минская группа. В основе ее деятельности долгое время сохранялось ложное представление, что все конфликты на Южном Кавказе должны решаться по одной логике. Создавалось впечатление, что посредники из МГ никогда всерьез не занимались поиском путей урегулирования. Во-вторых, стороны конфликта на разных этапах преследовали цель не столько договориться, сколько потянуть время до лучших исключительно для себя условий. Это было очевидно, если учесть постоянно повышающийся градус внутренней враждебной пропаганды, который свидетельствовал о том, что Баку и Ереван не столько готовят общества к миру, сколько подпитывают конфликт. В этом смысле только после многих потерь и огромной травмы 2020 и 2023 годов была создана почва для прагматичных переговорных подходов. Поэтому, несмотря на бравладу и время от времени возобновляемые угрозы со стороны Азербайджана, вероятность возобновления войны на новом этапе существенно снизилась, хоть и не исчезла полностью.

Вопрос, можно ли было избежать конфликта и его последних трагических аккордов – 44-дневной войны и деарменизации Нагорного Карабаха, вызывает

легитимный интерес. Однако, если исходить из точки зрения, выраженной в предыдущем абзаце, ответ на него отрицательный, поскольку полученная после распада СССР Арменией и Азербайджаном независимость была построена на логике конфликта, поэтому избежать происходившего в течение последних тридцати с лишним лет было, пожалуй, невозможно. Вместе с тем, имело бы смысл обсудить альтернативные темы: какое поведение должны были демонстрировать советское государство и национальные сообщества, скажем, в 1960–1970-х годах, чтобы избежать конфликта в конце 1980-х. В 1930-х советская власть пыталась искоренить национализм, но во время и сразу после Второй мировой войны в собственных интересах стимулировала определенные его проявления в армянской и других национальных средах: защита собственной идентичности рассматривалась как ресурс для защиты от внешних врагов СССР. Целесообразность такой политики в 1960-х отпала, но остановить процесс оказалось невозможным, или это было не под силу стареющей коммунистической партократии. В то же время «спящие» межэтнические конфликты, по всей вероятности, предполагалось использовать при необходимости по принципу «разделяй и властвуй». Как бы то ни было, период 60-летней давности заслуживает обращения в отдельном исследовании. Тем более, что концепция «четвертой республики», ставшая основой идеологической повестки правящей в Армении партии «Гражданский договор», включает постулат об искусственной актуализации со стороны советского руководства в 1940-1970-е годы противоречий между армянским и соседними тюркскими народами.

В оценке роли России участники опроса были довольно единодушны. Мнения отличались разве что по степени радикальности. От утверждений, что именно советский центр и наследник его политики РФ сами создали конфликт, делали все, чтоб он не был урегулирован, и сегодня Москва пытается его сохранить. Довольно распространено мнение, что «Алиев никогда бы не начал войну 2020 года и не осуществил этническую чистку 2023-го, если бы не получил «отмашку» - «добро» из Кремля. В Армении российскую поддержку получают те политические силы, которые препятствуют договоренностям между Баку и Ереваном. Как отметил один из респондентов, «Россия - это классическая империя, которая добивалась сохранения своего господства во времена СССР, а в последние годы заинтересована в максимальном присутствии и влиянии в регионе. Можно сказать, что она являлась главным бенефициаром конфликта».

Вместе с тем, высказывалось мнение, что роль России была разной в зависимости от конкретных периодов. Одни респонденты отмечали, что изменения ее интересов обусловили поддержку то Армении, то Азербайджана. Другие оценивают ее посреднические усилия, которые имели решающее значение для достижения перемирия в мае 1994, а в последующие годы как результат заинтересованности в сотрудничестве с Западом играли конструктивную роль в переговорном процессе. В первом десятилетии нового тысячелетия геополитический компонент в посреднической деятельности Москвы стал превалировать, и это вступило в противоречие с перспективами урегулирования, тем более что постепенно весь процесс был делегирован международным сообществом именно ей. Вовлеченность в войну против Украины и предшествующее ей обострение отношений с Западом, в том числе с другими сопредседателями Минской группы, наоборот, с одной стороны,

ослабило влияние Москвы на Южном Кавказе, а с другой, увеличило ее зависимость от взаимоотношений с Турцией и Азербайджаном, обусловившую неблагоприятное развития событий для Армении и карабахских армян. Если в апреле 2016 года России удалось остановить войну, то в 2020-м – уже нет. После же 44-дневной войны, даже разместив миротворческие войска, она не смогла выполнить свою миссию и предотвратить массовый исход армян из Нагорного Карабаха.

В качестве обобщения вопроса о роли России в армяно-азербайджанских отношениях уместно привести выраженную некоторыми участниками опроса уверенность, что роль этой державы – позитивная или негативная - будет зависеть, прежде всего, от того, насколько Армения и Азербайджан позволят третьим сторонам манипулировать своими противоречиями, вместо преодоления или сглаживания их посредством диалога.

ЭТАПЫ «ПОДГОТОВКИ ОБЩЕСТВ К МИРУ»

В новейшей истории армяно-азербайджанских отношений можно выделить четыре эпизода, когда и стороны, и посредники в той или иной степени, как минимум, на декларативном уровне принимали идею «подготовки обществ к миру». В первый раз эта тема приобрела актуальность после заключения перемирия в мае 1994 года. Баку и Ереван включились в переговоры по урегулированию конфликта под эгидой Минской группы ОБСЕ и, хотя на официальном уровне не заявляли о важности «гражданской дипломатии», усилия международных организаций по налаживанию диалога в рамках «Track 2» пользовались определенной поддержкой властей двух стран. «Подготовка обществ к миру» впервые была признана как часть официальной повестки Армении и Азербайджана после переговоров Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна в Ки-Уэсте в марте 2001 года.

После «бархатной революции», как и в предыдущих случаях, когда сменялось руководство в Ереване или в Баку, создавалась отличная от прежней ситуация, стимулировавшая определенные ожидания новых тенденций в отношении карабахского конфликта. В 2018 появилась возможность для восстановления прервавшихся после апрельской войны 2016 двусторонних контактов, активизировались посредники. Имели место контакты Ильхама Алиева и Никола Пашиняна, интенсифицировались переговоры между министрами иностранных дел. Главы дипломатии Азербайджана и Армении Эльмар Мамедьяров и Зограб Мнацаканян 16 января 2019 года выступили с официальным заявлением, в котором самой примечательной стала именно формулировка о необходимости готовить народы к миру. Подразумевалось, что одним из путей достижения этой цели должно стать содействие диалогу не только на официальном уровне, но и с участием общественности. О возможном осуществлении совместных проектов в гуманитарной сфере говорилось после встречи Ильхама Алиева и Никола Пашиняна 29 марта 2019 года. Однако то, что развитие событий пошло совсем по другому пути, в каком-то смысле было

обусловлено, вероятно, наименьшей с начала конфликта интенсивностью общественного диалога.

Опыт свидетельствует, что, с одной стороны, абстрактное миротворчество на гражданском уровне рано или поздно обречено на кризис, когда в процессе урегулирования с участием сторон, принимающих решения, нет продвижения вперед. Но, с другой стороны, замораживание «диалога второго плана» и полное отчуждение обществ друг от друга не может не сказываться негативно на эффективности официальных переговоров. К подобным выводам приводят и предыдущие исследования по перспективам диалога, осуществленных в Азербайджане и Армении разными организациями, в частности, Международным центром человеческого развития и Ереванским пресс-клубом. К сожалению, в обоих предыдущих эпизодах, когда официальные стороны заявляли о необходимости готовить общества к миру, происходило обратное. Поэтому принципиально важно, чтобы похожие заявления Баку и Еревана в последние месяцы, которые можно считать четвертым эпизодом, не противоречили реальным намерениям и действиям. И чтобы заинтересованность в поддержке гражданских инициатив исходила не только от международных организаций.

Согласно [исследованию](#) ЕПК 2018-2019 годов, в котором принимали участие также эксперты, журналисты и представители гражданского общества Азербайджана, история инициатив в рамках «Track 2», призванных содействовать урегулированию карабахского конфликта, условно делится на несколько периодов: 1. Инициативы советского периода (1988-1991 годы); 2. Контакты во время «горячей фазы» конфликта (1992-1994 годы); 3. Налаживание диалога после достижения договоренностей о режиме прекращения огня (1995-1997 годы); 4. Период наиболее интенсивного взаимодействия и вовлечения большого числа представителей общественности в совместные проекты (1998-2001 годы); 5. «Угасающая инерция» регионального взаимодействия (2001-2010 годы); 6. «Ледниковый период» в «гражданской дипломатии» (с 2011 года до времени осуществления исследования). Условность предложенной хронологии, разумеется, предполагала размытость границ между периодами и присутствие разных тенденций в каждом из них. Но, тем не менее, она способствует пониманию изменяющейся специфики на разных этапах вовлечения представителей гражданского общества и СМИ в формирование контекста Карабахского конфликта.

В прошедшие после упомянутого исследования 6 лет (2019-2025 годы) диалоговые инициативы уместились еще в два периода: 7. Максимальной конфронтации не только на военном и политическом поприщах, но и во взаимоотношениях на общественном, личностном уровнях, включая СМИ, экспертное сообщество, сектор неправительственных организаций (НПО), активных пользователей социальных сетей... (2019-2023 годы); 8. Скромные попытки наладить диалог в качественно новых условиях, отличных как от времен СССР, первой карабахской войны, сохранения относительного статус-кво после перемирия 1994 года, так и от новых этапов эскалации разной интенсивности между апрельским обострением 2016 года и согласованием текста Соглашения о мире и установлении межгосударственных отношений в

начале 2024 года. Соответственно, отсчет этого продолжающегося на момент проведения нынешнего исследования периода можно вести с конца 2023 – начала 2024 годов (период «преобладающего конструктивизма»). Ниже приводится характеристика каждого из восьми отмеченных периодов, основанная как на [исследовании](#) шестилетней давности, так и на анализе последних данных.

В период активизации национальных движений конца 1980-х в Советском Азербайджане и Советской Армении, главным толчком к которой было именно обострение проблемы Нагорного Карабаха, сопровождавшееся вспышками насилия на этнической почве, контакты между различными кругами азербайджанской и армянской общественности были довольно интенсивными. Причем они охватывали далеко не только советско-номенклатурные форматы, в которых проповедовался «положительный опыт совместного проживания в СССР», но и тогдашних оппонентов власти. В качестве объединяющих идей у последних были стремление к независимости и избавление от коммунистической империи. Довольно интенсивным был, в частности, диалог идущих к власти представителей Армянского общенационального движения и Народного фронта Азербайджана при посредничестве демократических сил других советских республик, прежде всего, прибалтийских. И, хотя вера в достижимость компромиссов после установления посткоммунистического правления в Азербайджане и Армении была в большей степени присуща упомянутым посредникам, чем сторонам конфликта, она во многом определяла повестку контактов и их привлекательность для участников.

Даже в начале 1990-х, когда Баку и Ереван только приобретали международную субъектность и произошла «интернационализация» конфликта, а противостояние между ними переходило в наиболее горячую фазу, представители Азербайджана и Армении поддерживали контакты в самых разных форматах. Помимо теплившихся надежд на возможность урегулирования конфликта, была и заинтересованность в решении конкретных задач, обмене информацией, понимании процессов у соседей. К примеру, в редакции ежедневной газеты «Республика Армения», учрежденной в 1990 посткоммунистическим армянским парламентом, обычным делом были регулярные интервью по телефону ее журналистов с видными азербайджанскими деятелями новой волны, когда в соседней республике происходили важные для освещения события. Такую же открытость в отношении азербайджанских журналистов проявляли представители официального Еревана. С окончательным крушением СССР взаимный интерес, правда, начал быстро сменяться враждебностью друг к другу новых властей.

В годы войны 1992-1994 годов актуальными стали контакты правозащитников по проблемам военнопленных, заложников, поиску пропавших без вести и возвращению тел убитых. В этот период целый ряд армянских и азербайджанских общественных организаций вел активную работу совместно с Международным комитетом Красного Креста и Красного Полумесяца, другими зарубежными гуманитарными миссиями, а также с соответствующими государственными структурами сторон.

Разумеется, деятельность официальных лиц редко отличалась искренностью и конструктивностью, но их вынужденное взаимодействие с международными

организациями и гражданскими активистами сыграло важную роль в судьбах многих людей. В частности, в эту работу были вовлечены с армянской стороны Фонд «Против правового произвола» Ларисы Алавердян и Правозащитный центр Азербайджана Эльдара Зейналова. После установления режима прекращения огня была создана Международная группа по вопросам заложников и военнопленных, в которую входили правозащитники Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, а также России и Грузии. Правда, эта группа не смогла избежать политических манипуляций извне, вследствие чего ее деятельность то замораживалась, то возобновлялась, пока не была прекращена окончательно.

Параллельно с практической гуманитарной работой в первой половине 1990-х под эгидой международных организаций, получил развитие диалог о мире азербайджанских и армянских правозащитников. Самым громким событием в этом процессе стало вручение в 1992 году премии Улофа Пальме председателям азербайджанского и армянского отделений Хельсинкской гражданской ассамблеи (ХГА) Арзу Абдуллаевой и Анаит Баяндур.

«Скандинавский акцент» в деятельности ХГА не ограничился премией имени премьер-министра Швеции, убитого в 1986 году. Он проявился и в ознакомлении уже после заключения перемирия представителей гражданского общества конфликтующих сторон с моделью аландской шведской автономии в составе Финляндии. Эта модель рассматривалась после войны в среде миростроителей как приемлемая для Нагорного Карабаха. По инициативе отделений Хельсинкской гражданской ассамблеи к «аландскому процессу» были привлечены и официальные лица, но это спровоцировало эпизод, поставивший большой вопрос перед возможностью применить скандинавский опыт на Южном Кавказе. Во время одной из встреч в 1995 году тогдашний министр иностранных дел непризнанной Нагорно-Карабахской Республики Аркадий Гукасян высказался в том духе, что модель замечательная, но ведь азербайджанцы не финны. На что занимавший в то время пост заместителя министра иностранных дел Азербайджана Тофик Зульфугаров отпарировал: «...но и вы тоже не шведы, товарищи армяне!».

Договоренности о режиме прекращения огня в мае 1994 года, подписанные представителями руководства Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, распахнули окно возможностей для реализации международными структурами, донорами и западными неправительственными организациями многочисленных разнообразных проектов в логике «Track 2». Инициативу здесь проявили как межправительственные (ОБСЕ), так и неправительственные («Vertic», «Линкс»/Links, «Институт журналистики войны и мира»/Institute of War and Peace Reporting, «Ресурсы примирения»/Conciliation Resources, «Международная тревога»/International Alert и др. Диалоговые площадки, предложенные этими организациями партнерам на Южном Кавказе, открыли в дальнейшем дорогу и для местных инициатив. На первых порах проводимые мероприятия воспринимались участниками из региона как продолжение войны иными методами. Они стремились доказать оппонентам свою правоту и их ответственность за конфликт, ожидая полной и безоговорочной капитуляции в результате словесных баталий.

В числе первых прагматичные формы взаимодействия нашли журналистские организации Армении и Азербайджана. Понимая, что, несмотря на враждебное отношение обществ друг к другу, их интерес к происходящему в соседней стране довольно высок, они использовали частые контакты для налаживания профессионального взаимодействия между СМИ. «Интерньюс» организовал серию тематических телемостов, которые, хоть и проходили в режиме «идеологического рестлинга», но в то же время позволяли азербайджанской и армянской аудиториям узнавать о жизни соседей от «живых людей». Ереванский пресс-клуб и его партнеры в Азербайджане воспользовались стремлением своих стран интенсивно вписываться в мировое сообщество, двигаться к членству в Совете Европы, выполняя определенные обязательства. В этом смысле взаимный интерес представлял обмен опытом по отстаиванию свободы слова и информации. Вторая половина 1990-х стала тем периодом, когда армянская и азербайджанская ситуации в сфере СМИ сблизились как никогда. В Армении лучше были защищены права журналистов и плюрализм вещателей, зато в Азербайджане, особенно после отмены в 1998 военной цензуры и за счет роста экономики, стал развиваться реальный медийный бизнес. Обсуждение сугубо журналистских тем не только способствовало лучшему пониманию задач, но и приучало участников уважительно относиться к мнению оппонентов. В дальнейшем это помогло лучшему взаимопониманию при затрагивании проблем, непосредственно связанных с конфликтом.

То же самое можно сказать и о проектах в других областях, способствовавших профессиональным и личностным контактам в обход «минных полей» множества противоречий. Общие озабоченности социальными проблемами, экологическими вызовами, ходом реформ в сфере образования и т.д. помогали осознавать, что сближает и объединяет армянскую и азербайджанскую общественность.

Укреплению связей в тематических областях во многом способствовал возросший в середине-конце 1990-х интерес международного сообщества к Южному Кавказу как к единому региону. Он был обусловлен подключением США и Европейских стран, а также крупнейших компаний к инфраструктурным, прежде всего, энергетическим проектам.

Организации гражданского общества, заинтересованные в региональных форматах, с готовностью воспользовались ситуацией. Трехсторонние проекты (Армения, Азербайджан, Грузия) получили наибольшее распространение благодаря стартовавшей в 1997 программе «Synergy in the South Caucasus» («Сотрудничество на Южном Кавказе») американского фонда «Евразия». Благодаря ей десятки неправительственных организаций получили опыт совместной работы с партнерами из соседних стран. Подобная массовость сама по себе способствовала размытию «образа врага», как минимум, у непосредственных участников проектных мероприятий.

Общение в региональном формате позволяло также сравнивать разные подходы к конфликтам и их возможному разрешению в случаях с непризнанными Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом. А одной из наиболее выигрышных проектных идей стали исследования о перспективах

развития региона в целом, если конфликты не будут мешать сотрудничеству. При этом, если армянская сторона на официальном уровне готова была рассматривать соответствующие возможности до урегулирования карабахского противостояния, то Азербайджан настаивал на признании своей территориальной целостности как предварительном условии для сотрудничества. Взаимоисключающие подходы постепенно снизили актуальность региональных инициатив с участием всех стран Южного Кавказа как в экономической, так и в других сферах. Это, естественно, отразилось и на «Track 2», в рамках которой тема конфликта вновь стала превалировать над идеей сотрудничества.

В этом смысле полезными в последующие годы были не завязанные на Кавказе как едином регионе инициативы по изучению и ознакомлению азербайджанской и армянской аудиторий с межэтническими конфликтами в других регионах мира.

Совместные просмотры фильмов и сравнительный экспертный анализ противостояний и попыток их преодоления - как успешных, так и нет - на Балканах, Кипре, в Палестине, Южном Тироле, Северной Ирландии и других частях планеты помогали поиску и обсуждению моделей, которые могли бы в перспективе сработать в Нагорном Карабахе. И как в предложениях сопредседателей Минской группы ОБСЕ второй половины нулевых, так и в экспертных продуктах отражался обширный опыт миротворчества, пропущенный через фильтр особенностей карабахского противостояния.

Самым динамичным представляется диалоговый процесс, сконцентрированный в трехлетнем отрезке между 1998 и 2001 годами, когда азербайджанские участники посещали Армению и Нагорный Карабах, а армянские - Азербайджан. Они могли сами общаться с политиками, рядовыми гражданами и составлять свои представления о трансформации конфликта. В числе первопроходцев здесь, наряду с некоторыми названными выше организациями, были немецкие фонды Фридриха Эберта и Фридриха Наумана, швейцарский Федеральный департамент иностранных дел, которые осуществляли многолетние проекты, предполагавшие армяно-азербайджанские мероприятия не только на «нейтральных территориях». Причем участникам нескольких параллельных проектов конца 1990-х довелось встречаться с президентами АР и РА Гейдаром Алиевым и Робертом Кочаряном, а также с другими высокопоставленными официальными лицами с обеих сторон.

Конец частым поездкам был положен осенью 2001 года, когда в Баку сначала произошел инцидент с группой представителей СМИ и гражданского общества из Нагорного Карабаха и Армении. В частности, агрессия в присутствии телевизионных камер была проявлена в отношении председателя «Хельсинкской инициативы – 92» Карена Оганджяна. То, что случившееся не было случайным эпизодом, подтвердилось месяцем позже: визит в Азербайджан очередной группы журналистов-армян проходил очень напряженно и сопровождался недоброжелательным освещением в местных СМИ. Стало ясно, что для непосредственных двусторонних контактов наступают тяжелые времена.

Участники достигших пика успешности диалоговых проектов вынуждены были отказаться от иллюзий, что гражданская дипломатия в условиях карабахского конфликта может играть существенную самостоятельную роль в процессе урегулирования, независимо от заинтересованности властей. А отсутствие перспектив в диалоге на официальном уровне обусловило относительную маргинализацию «Track 2».

Не исключена прямая связь между ограничением контактов журналистов и представителей гражданского общества с упомянутой выше встречей двух президентов, Роберта Кочаряна и Гейдара Алиева, в американском Ки-Уэсте. Переговоры здесь продолжались целую неделю, но не увенчались подписанием каких бы то ни было документов. Алиев и Кочарян, как отмечалось, разъехались, получив от посредников напутствие готовить свои общества к примирению, но последовал противоположный процесс. Порядка 600 азербайджанских организаций и общественных деятелей подписали Общенациональную хартию о принципах урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, в которой исключалось какое-либо согласие между сторонами до «освобождения азербайджанских земель» и возвращения беженцев. Для армян Нагорного Карабаха подписанты хартии предусматривали статус «культурной автономии». В свою очередь, все фракции армянского парламента сделали совместное заявление, в котором исключалось подписание какого-либо документа, предполагающего вертикальное подчинение НК Баку.

Особняком среди инициатив по урегулированию конфликта до и после неудачи в Ки-Уэсте стали план американского политика Пола Гобла (1996 г.) по территориальному обмену между Баку и Ереваном и Дартмутская конференция (2001-2007 г.г.) В рамках последней сопредседатели ее рабочей группы американский и российский дипломаты Гарольд Сондерс и Виталий Наумкин, модерировав обсуждения на 11 встречах представителей общественности Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, попытались воспользоваться опытом кемп-дэвидских соглашений по ближневосточному урегулированию. Обе эти инициативы, однако, можно лишь в относительной степени рассматривать в контексте «Track 2», поскольку они по определению не опирались на более-менее широкую гражданскую поддержку и выполняли, скорее, консультативную функцию для официального переговорного процесса. В дальнейшем предпринимались похожие, но менее масштабные шаги, получившие условное обозначение «Track 1.5».

Закрепление жестких национальных рамок для урегулирования, наряду с принятием в Азербайджане мер по ограничению свободы СМИ и гражданского общества, привели к постепенному сворачиванию двусторонних и региональных контактов. Возникшие на пике взаимодействия такие структуры, как «Кавказский форум неправительственных организаций», Ассоциация журналистов «Южный Кавказ» так и не смогли реализовать свои амбициозные интеграционные планы. Разумеется, в усеченных масштабах и без взаимных посещений совместные проекты азербайджанских и армянских неправительственных организаций продолжалась. Работа, направленная на сохранение имеющихся контактов и противодействие усилившейся тенденции к формированию «образа врага», характеризовала, в частности, взаимодействие

Ереванского и Бакинского пресс-клубов, а также Объединения журналистов Азербайджана «Ени несил» («Новое поколение»). Кроме ставшего традиционным в 1990-е формата с участием партнеров из трех южно-кавказских стран, эти организации сочли интересным посмотреть на двусторонние отношения в широком контексте - вовлекая в свои инициативы партнеров и участников, помимо Грузии, из непризнанных образований Южного Кавказа и из Турции. В частности, активным партнером в этих проектах выступал Степанакертский пресс-клуб.

После 2001 года в региональном сотрудничестве все большее место стал занимать исследовательский компонент, позволявший работать на расстоянии. Об этом свидетельствуют и названия публикаций – «Качественное освещение в СМИ событий в странах Южного Кавказа как фактор преодоления региональных проблем», «Карабахский конфликт в зеркале СМИ и общественного мнения Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха». В этот период существенную поддержку ЕПК, БПК и «Ени несил» оказывала Сетевая программа СМИ Института открытого общества (OSI network media program).

Ставшая особо актуальной в 2014 году тема пропаганды подсказала группе медиа-экспертов Азербайджана, Армении и Грузии идею осуществить при содействии Академии Deutsche Welle [исследование](#) о методах ведения информационных войн в странах Южного Кавказа. В похожих проектах азербайджанские и армянские партнеры участвовали также в формате шести стран Восточного партнерства. Ранее, в 2008-2013 годах, в рамках более обширного двустороннего проекта Фонда Партнерства «Евразия» Ереванский пресс-клуб и «Ени несил» работали над, так называемым, [«Глоссарием языка вражды»](#), содержащем не только набор негативных стереотипов, используемых в СМИ Азербайджана и Армении, но и рекомендации, как избежать словосочетаний, раздражающих аудиторию по другую сторону «фронта», без потерь для смысла сказанного. И хотя в определенных журналистских кругах обеих стран была заинтересованность применить результаты исследования на практике, общая тенденция к ужесточению информационного противостояния оказалась неизмеримо сильнее.

С 2005 активным, насколько позволяли накапливавшиеся трудности, было сотрудничество армянского исследовательского центра «Регион» и азербайджанского Института мира и демократии, возглавляемых, соответственно, Лаурой Багдасарян и известными правозащитниками и экспертами Лейлой и Арифом Юнусовыми. В 2012 ими был создан совместный вебсайт, посвященный исследованиям разных аспектов армяно-азербайджанских взаимоотношений. После ареста и эмиграции Юнусовых в 2016 году совместная деятельность партнеров была временно приостановлена. Но спустя два года модерлируемые этими партнерами онлайн-дискуссии «Карабахский конфликт в контексте политических процессов в Армении и Азербайджане» были возобновлены и продолжались в течение одного года.

Фактор риска, сопровождавший двустороннее сотрудничество, привлечение к уголовной ответственности азербайджанских политиков, экспертов и журналистов, а также созданные с начала 2000-х трудности для поездок друг к другу армян и азербайджанцев сказываются на их представленности в разного

рода региональных форумах. Так, традиционным участником проводимых с 2002 в Армении по инициативе армянского политика Давида Шахназаряна и немецкого фонда Фридриха Эберта ежегодных конференций по проблемам региона был азербайджанский журналист Рауф Миркадыров. Однако его арест и осуждение в 2014 году, за которыми последовала эмиграция, стали одной из причин неучастия в этих мероприятиях в течение нескольких следующих лет представителей Азербайджана. Правда, в 2019 году в очередной подобной конференции смог участвовать азербайджанский эксперт Рауф Раджабов, что тогда рассматривалось как позитивный знак для подобных инициатив.

В частности, ожидалось, что могут открыться новые возможности для Института Кавказа, возглавляемого Александром Исхандаряном. Эта организация в течение многих лет проводила встречи с участием азербайджанских ученых, готовились публикации, издавались книги, посвященные политической и социально-экономической ситуации в странах Южного Кавказа, перспективам решения карабахского конфликта. В ежегодных печатных сборниках статей выступали ученые из США, России, Европы, Грузии, но в период ограничений на армяно-азербайджанские контакты эти ежегодники вынужденно выходили без статей азербайджанских аналитиков. А эскалация конфликта в 2020 году помешала их возвращению на страницы издания.

«Ледниковый период» в «Track 2» между Азербайджаном и Арменией обусловил особое внимание к молодежным инициативам. Невозможность эффективного взаимодействия в актуальных обстоятельствах вынуждала делать ставку на новое поколение, готовить его к диалогу и поиску путей к урегулированию в будущем, когда, возможно, сложатся более благоприятные обстоятельства. В частности, подобный подход стоял в основе инициатив Центра трансформации конфликтов «Imagine», начавшего свою деятельность в 2007 году с предложения диалоговой платформы активистам Армении и Азербайджана. НПО «Армянская прогрессивная молодежь» и их партнер в Азербайджане Назим Ибадов нацелились на развитие умений защиты от агрессивной националистической пропаганды. Другой пример - Фонд Партнерство Евразия, который, организуя более-менее регулярные встречи молодежи двух стран, вместе с тем стремился к созданию платформы миротворчества для участников этих встреч в новых медиа. Этот Фонд инициировал также в 2017-2018 годах деятельность школ трансформации конфликта в Баку и Ереване. Проект был ориентирован на молодых азербайджанцев и армян, которым предполагалось прививать навыки критического мышления, помогающие вырабатывать новые подходы к урегулированию конфликта.

Препятствия для непосредственного обращения к теме урегулирования конфликта побуждали инициаторов диалоговых проектов обращаться к языку творчества - литературы и беллетристики, кино и документалистики. В 2003 Кавказский Форум неправительственных организаций собрал под одной обложкой рассказы писателей Южного Кавказа, включая азербайджанских и армянских. Сборник получил название «Время жить» и стал своеобразной общей средой для диалога литераторов региона. Переводы актуальных произведений современных писателей двух стран на русский, английский и национальные языки и представление их на общем Интернет сайте «Литлаб»

(2006-2007 г.г.) в рамках проекта Бакинского и Ереванского пресс-клубов были призваны способствовать лучшему пониманию обществ друг друга в условиях взаимной изоляции.

Довольно популярной стала книга с воспоминаниями журналистов, побывавших на фронте «Журналисты на войне в Карабахе», которая увидела свет в 2002 году при поддержке Центра экстремальной журналистики. Это были не просто живые, но и весьма поучительные истории - с точки зрения профессионального поведения – для журналистов, работающих на войне.

Короткометражные фильмы («Кинодиалоги») повествовали о человеческой стороне карабахского конфликта, об опыте военнопленных и беженцев, судьбах смешанных браков, о «военных играх» в Интернете... В период с 2007 по 2013 годы «интервьюсовцами» Азербайджана и Армении совместно с британской организацией «Ресурсы примирения» (Conciliation resources) было снято около 30 фильмов этой серии, предназначенных для общественных просмотров.

Как утверждали инициаторы мероприятия в Армении под названием «фестиваль азербайджанских фильмов» в 2010 году, их задачей было создать пространство прямого непосредственного общения и противостоять пропаганде, набирающей обороты за счет «вырождения гуманистических идей и отрицания разума». Однако реакция в армянском обществе и СМИ по этому поводу была, в основном, негативной, в том числе высказывалось мнение, что фестиваль азербайджанских фильмов смог бы стать мероприятием, направленным на восстановление доверия между гражданами двух стран, только если бы такая же инициатива была реализована в Азербайджане. Демонстрации было отказано в помещениях по трем разным адресам в Ереване, а в Гюмри и Ванадзоре запланированный показ вызвал скандал и не состоялся.

Этот прецедент поставил серьезный вопрос, насколько эффективны «шоковые» миротворческие методы применительно к ситуациям, когда значительная часть обществ в странах, находящихся в состоянии острого конфликта, не склонна делать первый шаг к примирению. Во всяком случае, именно в «ледниковый» период «шок» от односторонних инициатив в Армении, где ограничений для деятельности неправительственных организаций было существенно меньше, чем в соседней стране, привел к потере многими НПО заинтересованности в диалоге с партнерами в Азербайджане. Однако, в целом, можно прийти к выводу, что подобное изменение настроений было обусловлено не столько конкретными проблемными мероприятиями, сколько распространенным убеждением в бесперспективности поиска мирных решений в условиях усиливавшейся конфронтации между Баку и Ереваном.

На развитие этой тенденции определенное влияние оказал и провал «футбольной дипломатии» между Арменией и Турцией (2008-2009 г.г.) Для армянской общественности он стал аргументом в пользу невозможности преодоления исторических противоречий с соседними тюркскими государствами. А для азербайджанской - свидетельством рисков, которые содержат в себе любые шаги к примирению с Арменией. Лишний раз подтвердилась переплетенность армяно-турецких и армяно-азербайджанских

противоречий: в частности, в Азербайджане гораздо более агрессивно проявляется неприятие темы геноцида армян, чем в самой Турции, а Анкара еще со времени закрытия своей границы с Арменией в 1993 году обуславливала нормализацию отношений с Ереваном его односторонними уступками в карабахском вопросе. Ужесточение позиций всех сторон треугольника не только лишил привлекательности трехсторонний диалог, особую заинтересованность в котором проявляли с 2000-го года Бакинский и Ереванский пресс-клубы, но и усилил настороженность двух обществ по отношению друг к другу, нараставшую до конца 2023 года.

Идеи, которые могли удостоиться общественного одобрения в конце 1990-х, стали неприемлемыми для большинства всего 10-15 лет спустя. Директор Кавказского центра миротворческих инициатив Георгий Ванян, организатор упомянутого выше фестиваля фильмов, вместе с азербайджанским политологом Зардуштом Ализаде стали также авторами гражданской инициативы 2012-2015 годов «Текалинский процесс» (по названию азербайджанонаселенного села в Грузии). Он включал «слушания», касающиеся разных проблем Южного Кавказа, с участием известных политиков, общественных деятелей региона. Их аудиторией были в том числе жители приграничья трех стран Южного Кавказа. Однако реакция на «Текалинский процесс» не только в Азербайджане и Армении, но и в Грузии, была неоднозначной.

В сентябре 2018 года Ванян и Али-заде обратились к азербайджанской и армянской общественности с призывом не расходовать огромные средства на гонку вооружений, а направить их на поиски мира, восстановление традиций взаимного уважения и взаимопонимания. Это было не первое подобное обращение. В 2010 в рамках инициативы «Независимый гражданский Минский процесс по урегулированию нагорно-карабахской проблемы» бывшие помощник президента Азербайджана Эльдар Намазов и посол по особым поручениям президента Армении Давид Шахназарян выступили с заявлением по поводу подписания декларации, в которой, в частности, призывали глав двух государств «положить конец воинственной риторике, политическим и информационным акциям, направленным на эскалацию конфликта, предпринять неотложные шаги по укреплению режима прекращения огня и предотвращению вооруженных инцидентов, обеспечить незамедлительный вывод снайперов с линии соприкосновения». Однако, следует признать, что эти инициативы не оказывали заметного воздействия на процесс урегулирования, так как вступали в противоречие с тенденциями, доминировавшими в переговорах на официальном уровне.

Говоря же о тенденциях собственно в «Track 2», можно особо выделить некоторые из них. Если до начала 2000-х наблюдалась активизация прямого взаимодействия местных организаций, то после ограничения возможностей для их деятельности, ключевая роль вернулась к внешним модераторам контактов. С 2003 по 2009 годы лидирующую роль в «Track 2» по карабахскому урегулированию, фактически, взял на себя международный консорциум (Consortium initiative) международных неправительственных организаций, поддержанный британским правительством. А с 2010 года – Европейское партнерство за мирное урегулирование нагорно-карабахского конфликта

(EPNK), также объединившее несколько организаций и поддержанное Евросоюзом. Обе инициативы были нацелены на формирование благоприятной атмосферы в обществах конфликтующих сторон и именно в их рамках местными армянскими и азербайджанскими организациями реализовывались некоторые из упомянутых выше проектов. Забегая вперед, отметим, что эта тенденция закреплялась все последние годы: в частности, лидирующую роль в миротворчестве на Южном Кавказе играли несколько этапов программы EU4Peace.

Были предприняты также масштабные попытки описания и осмысления карабахского конфликта. Наиболее известные из них книги исследователя программы Европы и Евразии Фонда Карнеги Томаса де Ваала «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной» (2003 г.) и координатор Центра армянских исследований «Ани» Татула Акопяна «Карабахский дневник: зеленое и черное» (2008 г.) Определенный вклад в более глубокое понимание проблемы внесло своеобразное по жанру совместное [издание](#) политологов Расима Мусабекова и Степана Григоряна, журналистов Арифа Алиева и Бориса Навасардяна «Карабахский конфликт: понять друг друга», брошюра «Варианты решения карабахского конфликта: идеи и реальность», авторами которой стали Али Аббасов и Арутюн Хачатрян, аналитические работы директора информационного агентства «Туран» Мехмана Алиева и директора Центра региональных исследований Ричарда Киракосяна, ответственного за кавказскую программу британской организации «Ресурсы примирения» Лоуренса Броерса, ряда других экспертов.

Именно в «ледниковый период» в азербайджанском и армянском обществах крайне редкими стали голоса критиков собственных властей за «неконструктивную политику» в конфликте. Гораздо слышнее была критика за недостаточно последовательное отстаивание национальных интересов. Это вызвано не столько ограничениями, установленными сверху, сколько общественными настроениями, становившимися все менее восприимчивыми к идеям миротворчества. В большинстве своем публика в обеих странах не проявляла также сочувствие к согражданам, в том числе, к пользующимся известностью, пытавшимся искать корни конфликта в своем обществе, руководстве, а не в чужом. Наиболее ярким примером в этом смысле является резко негативное отношение в Азербайджане к писателю Акраму Айлисли, автору романа «Каменные сны» (2012 г.), посвященного событиям 1990 года в Баку. В Армении неприятие вызывала критика позиций властей РА по карабахскому конфликту со стороны упомянутого выше Георгия Ваняна и председателя Хельсинкской Ассоциации Микаела Даниеляна. При этом нередко альтернативные точки зрения на проблему воспринимались как следствие зависимости от зарубежных доноров. В частности, подобные настроения распространяли провластные СМИ.

При крайнем дефиците независимых, нацеленных на реальный диалог инициатив их пространство время от времени заполнялись сугубо показательными, имеющими пропагандистскую направленность проектами. В 2007 и 2009 годах по инициативе бывшего министра культуры России Михаила Швыдкого и послов АР и РА в Российской Федерации, композиторов Полада Бюль-Бюля оглы и Армена Смбатяна в совместных поездках и встречах на

самом высоком уровне в Баку, Ереване и Степанакерте участвовали видные представители азербайджанской и армянской интеллигенции. В 2016 году заявила о себе Бакинская платформа за мир, которую после дискредитации участниками, представлявшими, якобы, армянскую сторону, в 2017 году сменила Гражданская платформа мира между Арменией и Азербайджаном, зарегистрированная в Тбилиси. Вопреки декларированным миротворческим намерениям, названные инициативы лишь обостряли отношения между сторонами конфликта, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в СМИ. И если в случае с инициативой, поддержанной в Москве, очевиден просто формалистский подход с заведомым отсутствием представления о результате, то Бакинская и Тбилисская платформы решали вполне конкретную задачу подмены и имитации истинного миротворческого процесса.

Еще одной тенденцией, свойственной «ледниковому периоду» в процессе урегулирования механизмами «Track 2» стало подключение религиозных деятелей. В апреле 2010 года состоялся первый визит в Баку Католикоса всех армян Гарегина Второго, принявшего участие во Всемирном саммите духовных лидеров, а в ноябре 2011 глава управления мусульман Кавказа Аллахшукюр Пашазаде прибыл в Ереван на заседание Межцерковного Совета.

С первых шагов армяно-азербайджанского миротворческого процесса его важным компонентом стал диалог на уровне женских организаций, он являлся одним из важнейших также в рамках Европейского партнерства за мирное урегулирование карабахского конфликта. На новый уровень этот формат диалога после «бархатной революции» в Армении мог выйти в случае подключения к нему супруг Ильхама Алиева и Никола Пашиняна. Обе выражали свою заинтересованность в этом, но до окончания 44-дневной войны 2020 года предпринимали взаимоисключающие шаги. 3 апреля 2019 года на встрече с азербайджанскими военнослужащими Мехрибан Алиева заявила: «В каждом селе, в каждом городе Карабаха будет развеваться флаг Азербайджана», что, естественно, вызвало острую реакцию в Армении. А Анна Акопян в рамках инициативы «Женщины за мир» организовала поездку представительниц российской общественности в Нагорный Карабах, которая, в свою очередь, стала причиной крайнего недовольства в Азербайджане. В то же время возможность более согласованных действий двух этих женщин, занимающих активную общественную позицию, содержала в себе значительный потенциал для снижения рисков эскалации. Когда же 27 сентября 2020 года случилось непоправимое – война и поствоенные рецидивы, унесшая жизни почти десяти тысяч военных и гражданских лиц, Анна Акопян сформировала отряд из 13 женщин «Эрато» для участия в военных действиях. Лишь после заключения Вашингтонских соглашений 8 августа 2025 года супруги лидеров Армении и Азербайджана сделали первую совместную попытку миротворчества посредством фотосессии на полях саммита ШОС и празднования победы во второй мировой войне в Китае.

ДИНАМИКА ПОСЛЕ 44-ДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Последовавшие за «ледниковым периодом» периоды целесообразно рассматривать вместе, поскольку проявлявшиеся в них тенденции логически связаны друг с другом. Причем эта связь начала прослеживаться еще с 2016 года, ознаменовавшегося четырехдневной апрельской войной. Если основной причиной замораживания «Track 2» до 2016 года стали ограничения для деятельности СМИ и НПО в Азербайджане, то после апрельской войны и сами участники «гражданской дипломатии» за небольшим исключением посчитали себя востребованными, скорее, для информационно-риторического противостояния. Ни эксперты, ни журналисты не смогли договориться о глубинном расследовании обстоятельств двух вспышек военных действий в апреле 2016 и июле 2020 годов, сделавших неизбежным крупномасштабное противостояние. Короткая «передышка» в виде возобновившихся на уровне министров иностранных дел армяно-азербайджанских переговоров после «бархатной революции» и взаимных заявлений о приверженности мирному урегулированию по случаю 25-летия перемирия в середине мая 2019 года завершилась после фразы Никола Пашиняна «Арцах – это Армения, и точка!», провозглашенной 5 августа того же года на открытии Всеармянских игр в Нагорном Карабахе. Скатывание ситуации во все большую конфронтационность на всех уровнях, включая «Track 2», не предотвратил и организованный после длительного перерыва усилиями ОБСЕ обмен журналистами в декабре 2019 года. Именно конфронтационность и состязание в том, кто «лучше» осудит противоположную сторону за нарушения международного права, приверженность насильственным методам решения проблемы, культивирование ненависти, вражды, характеризовали деятельность представителей экспертного сообщества, НПО и СМИ с середины 2019 до конца 2023 годов. Подобная атмосфера, естественно, исключала какую-либо роль гражданской дипломатии в предотвращении не только 44-дневной войны, но и эскалаций на границе 2021-2022 годов, блокады Нагорного Карабаха, завершившейся военной операцией Азербайджана и массовым исходом из региона практически всего армянского населения.

Усугубление обстоятельств, сформированных в «ледниковый период», привело к выходу из процесса диалога ряда армянских организаций, несмотря на то что они сохраняли интерес к миростроительной деятельности. У кого-то в тяжелой ситуации оказались, в том числе, вынуждены были выехать за рубеж, азербайджанские партнеры. Кто-то, в основном, это касается правозащитников, пришел к выводу, что в соседней стране не осталось акторов, имеющих смелость отстаивать права человека. Тем не менее, опыт взаимодействия 20-летней давности позволяет рассматривать эти организации как «золотой резерв» в случае изменения условий для диалоговых инициатив.

Период «максимальной конфронтационности» (2019-2023 годы), на который пришлось не только военное противостояние разных масштабов, но и пандемия, характеризовался внедрением новых форм работы организаций, вовлеченных в миростроительство. У многих совместный компонент был в определенных случаях изменен на параллельный, особенно во время 44-дневной войны. В частности, Центр медиа инициатив и партнеры – каждый со своей стороны – работали над созданием видеоархива войны, онлайн-

платформы для обучения журналистике конфликтов. Были предприняты значительные усилия для обеспечения безопасности военных корреспондентов, включая предоставление им бронежилетов и касок.

С конца 2020 года многие организации, в том числе, Центр развития Армавира, Общинный совет женщин Мартуни, Горисский пресс-клуб и другие, вынуждены были переориентировать свою деятельность на содействие беженцам из Нагорного Карабаха, их интеграции в социально-экономическую, культурную среду Республики Армения. Медиа-клуб «Степанакерт» (бывший Степанакертский пресс-клуб) выпустил книгу «Арцах: блокада и депортация в человеческих историях», которая отразила через человеческие истории трагедию карабахских армян). Журналистские организации Центр медиа инициатив, Клуб публичной журналистики, Ереванский пресс-клуб после массового исхода карабахских армян в сентябре 2023 года осуществили ряд программ по профессиональной интеграции журналистов из НК, их обучению и трудоустройству.

Сложности для взаимодействия журналистов Армении и Азербайджана придали актуальность деятельности регионального южно-кавказского издания JAMnews, основанного в Тбилиси в 2015 году. Издание параллельно решает две задачи: во-первых, представлять официальные точки зрения трех стран региона на весь спектр политических проблем, и во-вторых, знакомить друг с другом, показывать с помощью человеческих историй, насколько народы Южного Кавказа похожи своими обычаями, эмоциями, трагедиями... Вместе с тем, ограничения, вводимые в Грузии на получение местными организациями поддержки от зарубежных доноров, создает серьезные трудности для дальнейшей деятельности JAMnews.

Перемены затронули и взаимодействие между армянскими и азербайджанскими экологическими организациями. После 44-дневной войны некоторые из них, в частности, «Эколур» в силу глубоких противоречий и использования проблем охраны природы в конфронтационных целях перешли на работу в двусторонних форматах - Армения-Грузия и Азербайджан-Грузия. Даже там, где партнерство все-таки складывается, о нем предпочитают не говорить публично. Тем не менее изменение политического контекста в настоящее время позволяет рассчитывать на осознание истины, что решение экологических проблем, требует, как минимум, регионального охвата, что сама природа диктует необходимость не замыкаться в межгосударственных границах. Армянской организации «Хазер» удалось наладить сотрудничество с азербайджанским партнером в подгруппе "Уязвимость", сформированной в рамках EU4Dialogue.

В условиях, когда миротворческий гражданский активизм переживает очевидные трудности, повышается запрос на контакты представителей экспертного сообщества, на политическую аналитику. В этом направлении, в частности, активно работают финская организация Crisis Management Initiative (Фонд мира Мартти Ахтисаари) и «Links Europe». В рамках их программ организованы экспертные встречи. В частности, «Links Europe» в апреле 2022 опубликовала доклад «Южный Кавказ от войны к миру: 30 мер, в которых до 2030 нуждаются Армения и Азербайджан, армяне и азербайджанцы для

построения будущего, основанного на взаимном доверии» (The South Caucasus from war to peace: 30 measures between now and 2030 Armenia and Azerbaijan, Armenians and Azerbaijanis, need to build the future based on mutual trust and confidence). В то же время цель достижения материальных результатов ставилась не во всех случаях, а с точки зрения нематериальных результатов создан дополнительный канал коммуникации между государственными и политическими деятелями, политологами и конфликтологами. При поддержке зарубежных партнеров закрытые онлайн и офлайн встречи продолжает проводить Институт Кавказа. В их организации Институт сотрудничал с азербайджанским Центром анализа международных отношений. Все более видную роль играет Центр исследований политики безопасности, возглавляемый Арегом Кочиняном. Представители Центра организуют и активно участвуют в диалогах на практические темы, дебатах, обсуждениях теоретических вопросов, в том числе, в медийных форматах. На уровнях «Track 1.5» и «Track 2» эксперты осваивают различные методологические инструменты построения мира. В последние годы активно подключился к диалоговым инициативам и аналитический центр «Женщины и архитектура глобальной безопасности», возглавляемый Армине Маргарян. В 2024-2025 центр проводил международные конференции по проблемам всеобъемлющей безопасности (Comprehensive Security and Resilience), важное место в повестке которых занимал переговорный процесс между Арменией и Азербайджаном.

Ряд организаций, в частности, Институт гражданского общества в предвоенный период вел просветительскую работу по изучению природы конфликта, восстановлению доверия между жителями приграничных районов, созданию «сети диалогистов», продвижению повестки «безопасного региона». Сотрудничая с немецкой некоммерческой посреднической компанией Inmedio и партнерами в Азербайджане, которые по известным причинам публично не называются, ИГО организовал курсы по посредничеству и диалогу для представителей неправительственного сектора Армении и Азербайджана в Ереване, Баку, Берлине и Тбилиси. Однако масштаб этих усилий был крайне ограниченным и не мог существенно повлиять на политический контекст, определявший развитие конфликта.

То же самое можно сказать о контактах представителей творческих профессий – кинематографистов, музыкантов и др. Кульминацией своих программ в этом направлении «Фонд партнерство Евразия» называет 2020 год, когда за два дня до начала войны была проведена презентация переводов азербайджанской поэзии на армянский язык, осуществленных грантополучателями. Вместе с тем, как и в случае с представителями экспертно-аналитической среды, «просветителями» таким образом накапливался потенциал для миростроительства в более благоприятной обстановке, которая сформировалась параллельно с мирным процессом 2024-2025 годов на официальном уровне.

В реализации своих армяно-азербайджанских проектов НПО «Диалог мира» сотрудничала с партнерами из Грузии, Великобритании и Германии. Осуществлены многочисленные исследования, выпущены публикации, пособия, методологии. Что касается нематериальных результатов, работа с

молодежью и различными группами способствовала развитию критического мышления, формированию эмпатии и распространению культуры мира.

С учетом проблемы пропавших без вести, военнопленных и других удерживаемых лиц в последние годы особую актуальность мог бы приобрести опыт работы в 1990-х армянского Фонда «Против правового произвола» и Правозащитного центра Азербайджана, Армянского, Азербайджанского и Грузинского отделений Хельсинкской гражданской ассамблеи, Грузинским национальным комитетом ХГА, Нагорно-Карабахской Хельсинкской инициативой – 92, традиции которых в 2005-2010 годах продолжил Ванадзорский офис ХГА, сотрудничавший с комитетом ХГА Гянджи. Эти организации занимались также защитой прав семей, члены которых стали жертвами конфликта. Однако их опыт в значительной степени был утерян в следующие полтора десятилетия из-за ограничений правозащитной деятельности, введенных, прежде всего, азербайджанскими властями. С одной стороны, наметившееся в последние месяцы сотрудничество органов национальной безопасности РА и АР в этом направлении, открывает новые перспективы, но с другой, в Азербайджане перестал функционировать Международный комитет Красного Креста, поддержка которого играла ключевую роль для эффективности местных организаций.

Как отмечалось выше, толчок усилиям миростроителей придали согласование и особенно парафирование текста Соглашения о мире и установления межгосударственных отношений в 2025 году и предшествовавшие этому события с конца 2023 года. Соответственно, отсчет этого продолжающегося на момент проведения нынешнего исследования периода «преобладающего конструктивизма» можно вести с конца 2023 – начала 2024 годов. Актуальность в ситуации, когда стороны приступили к решению практических проблем, приобрел подход организация Imagine, реализовавшей немало программ содействия армяно-азербайджанскому диалогу с привлечением молодежи, журналистов, экспертов, в основном, на территории Грузии. Главная особенность, по словам представителей Imagine, заключалась в том, что участников диалога информировали: они пришли не «рисовать бабочек», а должны работать и решать проблемы. В частности, им давалось задание описать десять фактов, которые привели к возникновению и развитию карабахского конфликта. Затем все ответы обсуждались, чтобы можно было увидеть параллели с мнением противоположной стороны, ее восприятием, картиной, представленной в учебниках. При этом участники диалога должны были придерживаться принципа «понять не значит принять».

Серьезным прорывом в этой логике стала запущенная в конце 2023 года инициатива Ереванского и Бакинского пресс-клуба «Линия соприкосновения», в рамках которой к середине 2025 года было подготовлено более 100 диалоговых телепередач на партнерских телеканалах двух стран. Участники обсуждений в этих передачах придерживались общего подхода, заложенного в основу инициативы: собеседники свободны оперировать любыми фактами и своими интерпретациями их, но в основе разговора должен быть совместный поиск решений, а не стремление доказать правоту своей или вину другой стороны.

В то же время нельзя не отметить, что даже при почти 30-летнем опыте сотрудничества ЕПК и БПК их инициатива не могла бы быть реализована без поддержки британской организации International Alert, возглавляющей медийный консорциум на втором и третьем этапах программы EU4Peace. И в целом, лидирующая роль международных организаций в диалоговых армяно-азербайджанских проектах имела тенденцию к закреплению, как минимум, в последние 20 лет. Многие из описанных выше и схожих проектов были реализованы именно в рамках EU4Peace консорциумами, возглавляемыми, наряду с International Alert организациями Conciliation resources и «Links Europe», либо благодаря другой крупной программы EU4Dialogue опять же посредством европейских партнеров.

Основными донорами и поддерживающими партнерами, помимо Евросоюза, выступали ОБСЕ, Совет Европы, правительство Великобритании, немецкие политические фонды, European Endowment for Democracy, SIDA (Швеция), Black Sea Trust, UN Women, IKV Pax Christi (Нидерланды), HEKS (Швейцария), Media diversity Institute, Article 19 и другие. Крайне негативный эффект имело прекращение финансирования большинства проектов со стороны правительства США, в результате чего не доведены до логического завершения или приостановлены в самом начале целый ряд перспективных миростроительных инициатив.

Как показывает обращение к истории гражданской дипломатии применительно к армяно-азербайджанскому конфликту, использовались самые разные методы во всех возможных сферах. Однако, в связи с этим неизбежен вопрос: а какое влияние оказали эти усилия на процесс урегулирования? Однозначно положительного ответа на этот вопрос не дал ни один из опрошенных в рамках данного исследования. Высказывалось пессимистическое мнение, что ощутимого влияния на армяно-азербайджанские отношения гражданская дипломатия иметь не может, поскольку значимые решения принимаются на других уровнях, где мнения общественности в расчет, как правило, не принимаются. Деятельность гражданских активистов, публикации журналистов могут повлиять на мысли и чувства людей, но даже позиция большинства не играет решающей роли в таких авторитарных странах, как Азербайджан.

Отмечалось также, что гражданская дипломатия оказала бы большее воздействие на урегулирование, если бы ее роль напрямую не ограничивали власти Азербайджана, а в определенные периоды и власти Армении.

При этом респонденты отмечают, что диалог всегда предпочтителен, общение позволяет выслушать противоположную сторону, обсудить аргументы друг друга, хотя в разные периоды искренние участники диалоговых программ оставались маргинальным меньшинством. Гражданская дипломатия способна принести результат, по мнению нескольких опрошенных, когда у официальных сторон есть политическая воля идти по пути урегулирования. Один из них отметил, что таковая присутствовала в период 1997–2001 годов. Согласно другому мнению, гражданская дипломатия более-менее «работала» до известных событий 2020-2023 годов.

В качестве сложностей для «Track 2» называлось и то, что относительно независимый сегмент гражданского общества в Азербайджане не имеет влияния, а значительная часть гражданского общества Армении руководствуется реваншистскими настроениями.

Один из опрошенных привел конкретный пример деструктивного, по его мнению, вовлечения гражданского общества в преодоление и трансформацию конфликта, когда голос определенной части участников миростроительства перестает быть альтернативным и присоединяется к хору, продвигающему популистско-патриотический дискурс. В Армении обсуждается вопрос, может ли государство во имя мира отказаться от международных судебных исков, касающихся прав человека, если согласованное с Азербайджаном соглашение это предусматривает? С одной стороны, правозащитники настаивают, что сначала нужно разобраться с преступлениями и устранить их последствия, а затем переходить к рукопожатиям. Тогда как сторонники трансформации конфликта считают, что во имя мира сначала нужно пожать руку. Как следствие, правозащитники объединяются с бескомпромиссной позицией, оправдывая свой подход риторикой о необходимости, чтоб свершилось правосудие. Видимо, это тот случай, когда правомерность позиции проверяется практикой – какое именно решение обеспечивает надежный и стабильный мир между конфликтующими сторонами.

Гражданская дипломатия приносит результат, когда в нее вовлечены круги, по-настоящему способные генерировать конструктивный дискурс в своих сообществах - если не сегодня, то хотя бы на ближайшую перспективу. Но всегда есть риск, что этот процесс может быть подвержен «веканиям моды», и в периоды, когда миростроительство приветствуется на официальном уровне, к нему могут подключаться случайные люди, а также те, кто прежде делал обратное.

В ходе интервью, проведенных группой исследователей ЕПК, отмечалось также, что «Track 2» оказывает реальное влияние тогда, когда выходит на публичные площадки и транслирует миростроительные идеи на широкую общественность. Закрытые форматы помогают разве что самим участникам глубже и разностороннее понимать проблемы и устанавливать профессиональные контакты. На принятие конкретных решений они вряд ли имеют какое-либо воздействие. Такие форматы могут быть полезными, когда решают прикладные задачи - например, обмен заложниками, сбор информации о пропавших без вести и т.п. В таких случаях публичность иногда даже мешает достижению результатов.

Из мнений, высказанных опрошенными участниками диалоговых инициатив, вытекает вывод, что эффективность гражданской дипломатии тем выше, чем более демократичны общество и государство. В соответствующей среде миростроительная деятельность формирует политический дискурс, меняет отношение граждан к процессу урегулирования, хотя в итоге все решают те, кто наделен реальной властью. Даже в авторитарных системах правители учитывают настроения в обществе, и эффективная гражданская дипломатия способна влиять через общественное мнение.

Здесь принципиально, чтобы гражданское общество не было полностью изолировано от диалога на официальном уровне. Без доступа к определенным деталям переговоров независимым экспертам, журналистам и активистам трудно приносить пользу процессу урегулирования и вовлекать в него общественность.

Именно фактор осведомленности, погруженности в проблему обуславливает скептицизм относительно сотрудничества между гражданскими обществами Армении и Азербайджана, в том числе и потому, что, по распространенному в Армении мнению, в соседней стране гражданского общества нет или оно находится на периферии. Другое дело - контакты между экспертами (хотя экспертное сообщество по правовому статусу часто относят к гражданскому обществу, оно имеет определенные особенности), которые сегодня оказывают положительное влияние на процесс урегулирование.

Особняком стояло мнение что понятие «народная (гражданская) дипломатия» неприменимо для миростроительной деятельности гражданского общества. «Дипломатия - это искусство лжи», поэтому общественный сектор не может заниматься дипломатией. Он может поддерживать или не поддерживать ту или иную дипломатическую инициативу властей, но в собственной вовлеченности в урегулировании конфликта должен руководствоваться принципом «беспристрастной правдивости».

Исследование ставило также задачу выявить, в чем участники армяно-азербайджанских диалоговых программ усматривают «добавленную стоимость» гражданской дипломатии. Респонденты отмечали прямое общение между представителями двух стран, обмен информацией, получение лучших представлений о вызовах региональной безопасности, выявление перспективных собеседников.

Немаловажным для исследования было также определение тех направлений взаимодействия гражданского общества Армении и Азербайджана, которые представляются наиболее эффективными и перспективными. Чаще всего участники опроса называли миротворческий аспект, включающий мероприятия, которые способствуют сближению, контактам, а также распространение информации о природе конфликта и процессе его урегулирования. С заметным отставанием второе-третье места разделили гуманитарный аспект (в частности, диалог по теме военнопленных, заложников, беженцев, связанная с ними правозащитная деятельность и т. д.) и обсуждение моделей урегулирования на разных неофициальных площадках, в том числе, медийных. Следующим направлением по частоте упоминаний оказались совместные исследования.

Что касается исследований, респонденты отдельно коснулись целесообразности периодического анализа достижений и ошибок «Track 2» и практически единодушно отметили необходимость такого анализа. При этом отмечалось, что именно доноры должны быть заинтересованы в соответствующих исследованиях, которые позволят им повысить эффективность своего вклада в миростроительство. Есть очевидный и широкий запрос на инструмент генерирования конструктивных идей и подходов. Польза от подобных исследований, проводимых в логике «Взгляд назад ради

будущего», может быть большей, если параллельно будут сниматься и распространяться фильмы об истории миростроительства. Чтобы избежать повторения ошибок, к обмену мнениями об эффективности и перспективах «Track 2» желательно привлекать не только непосредственных участников гражданской дипломатии, но и разные группы – профессий, возрастов, географической принадлежности и пр. Некоторые сомнения в целесообразности исследований опыта миростроительства, высказанные двумя респондентами, были обусловлены спецификой вовлеченных в конфликт сторон: в Армении критическая оценка может привести к пересмотру подходов в целях повышения эффективности, тогда как главная проблема – в ситуации с гражданским обществом в Азербайджане, на которую влиять могут только власти страны.

КАК ПОВЫСИТЬ РОЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ?

Из идей и предложений, нацеленных на повышение роли «Track 2» и выявленных в ходе настоящего исследования, можно выделить следующие:

- рассматривать движение к миру во взаимосвязи с продвижением демократии в Армении и Азербайджане;
- поощрять инновационный, креативный подход к миростроительству;
- привлекать к диалогу между обеими странами больше авторитетных международных экспертов;
- повышать образовательный уровень гражданского общества и журналистов, особенно участвующих в двусторонних инициативах, передавать последним способность управлять своими эмоциями, и чувствами и к саморефлексии;
- избегать вовлечения в процесс миростроительства политически ангажированных, склонных к манипуляциям и провокациям игроков;
- периодически организовывать мозговые штурмы и дискуссии о том, что можно сделать в дальнейшем в рамках «Track 2».

Гражданская дипломатия осуществляется не в вакууме и зависит от множества внешних факторов, которые также были рассмотрены в рамках настоящего исследования. Главный из них - ход конфликта: в периоды обострения конструктивный диалог становился почти невозможным. Вторым по значимости является отношение к «Track 2» властей Азербайджана, которые с той или иной строгостью ограничивают возможности гражданского общества. Важное значение имеет также грантовая поддержка международных и зарубежных доноров, которая с начала 2025 года существенно сократилась из-за политики новой администрации США.

В разные периоды на возможность армяно-азербайджанского урегулирования негативно влияли такие события, как неоднократно отмеченные выше апрельская эскалация 2016 года в НК, пандемия, 44-дневная война, вторжение России в Украину, массовый исход карабахских армян в сентябре 2023 года, аресты и осуждение представителей гражданского общества и журналистов в Азербайджане.

Кроме того, заслуживают упоминания разовые российские инициативы по налаживанию контактов экспертов, представителей интеллигенции, журналистов, носившие, как правило, характер симуляции миростроительства.

Ключевую роль в конфликте играли средства массовой информации, но за маленьким исключением передаваемый ими контент был подчинен самой жесткой политической конъюнктуре. Журналисты воспринимали себя участниками войны, лучшие из них вели также войну против ложной информации. При этом они признают, что в целом честная журналистика бессильна предотвратить конфликты, тогда как пропаганда, формирующая образ врага и распространяющая взаимную ненависть, оказалась весьма инструментальной.

По крайней мере до 2020 года многие армянские медиа, даже качественные и независимые, при освещении некоторых тем, касающихся, к примеру, приграничных инцидентов, становились «прогосударственными» в том смысле, что транслировали доминирующую официальную позицию. Самоцензура и скованность препятствовали объективному восприятию аудиторией реальных событий. Причиной этого, вероятно, было стремление избежать общественного осуждения. И если где-то появлялась информация, выходящая за рамки официального дискурса (например, о преследованиях азербайджанцев в конце 1980-х годов), подавляющее большинство армянских СМИ игнорировали ее. В рамках исследования высказывалось также мнение, что в армянских СМИ о мире больше говорят на уровне «Track 1», но на уровне гражданского общества к этому склонны в меньшей степени.

На нынешнем этапе, когда появилась перспектива урегулирования, актуальность приобретают соблюдение норм профессиональной этики, и создание условий для цивилизованной дискуссии. В частности, достоверность, передача информации без предвзятости, отказ от дегуманизации противоположной стороны не могут не принести результатов в преодолении конфликта. Важно также, чтобы потребитель информации был медиаграмотен и обладал способностью критически анализировать и воспринимать предлагаемый материал.

Построение и развитие функциональной демократии, элементом которой являются медиа, могло бы внести большой вклад в мирный процесс. Конечно, было бы желательно, чтобы такое осознание было у обеих сторон, хотя Азербайджан, по мнению опрошенных, движется в ином направлении. Независимо от последнего обстоятельства, качественные СМИ способны помочь Армении выйти из «ловушки», в которой она оказалась. У медиа есть еще одна важная функция: представлять страну иностранной аудитории, в основном, на русском и английском языках, но также на азербайджанском, турецком и т. д.

Условия для работы гражданского общества также являются фактором, влияющим на эффективность армяно-азербайджанского диалога. По мнению участников исследования ЕПК, если в Азербайджане большинство НПО действуют попросту под контролем властей, для чего созданы специальные

государственные учреждения и системы управления, в отношении миростроителей долгое время использовались обвинения в «шпионаже», «предательстве» и т. д. Эти обстоятельства препятствовали и продолжают препятствовать конструктивному взаимодействию. С азербайджанской стороны готовность участвовать в диалоговых инициативах проявляют, в основном, имеющие соответствующее одобрение «сверху». Некоторые же армянские организации по собственной инициативе отказываются от взаимодействия, воспринимая потенциальных партнеров из соседней страны как разделяющих с властями ответственность за войну и массовый исход армян из Нагорного Карабаха. Это долгое время создавало неблагоприятные условия для диалога, однако прорыв в мирном процессе в августе с.г. может позитивно повлиять на ситуацию.

Специфическим аспектом армяно-азербайджанских диалоговых инициатив является «наблюдение» за ними спецслужб двух стран. Поэтому вопрос о допустимых формах взаимодействия с ними миростроителей не мог быть обойден вниманием в настоящем исследовании. Все респонденты считают, что участники гражданской дипломатии должны действовать полностью независимо, в том числе, от спецслужб. При этом большинство отмечает, что, к чести соответствующих армянских структур, они не пытались вмешиваться в их деятельность. Тогда как, по мнению опрошенных, в Азербайджане такое сотрудничество носит обязательный характер для значительной части гражданского общества.

Вместе с тем, при всей неприемлемости взаимодействия со спецслужбами в принципе, в ситуациях, непосредственно связанных с угрозами безопасности, оно неизбежно. Кроме того, по определенным направлениям миростроительства, например, вопросам заложников, пропавших без вести, где необходим определенный доступ к информации спецслужб, эффективность напрямую зависит от контактов с ними.

Категорически неприемлемо, когда участникам диалоговых инициатив передаются заранее подготовленные вопросники или инструкции для использования при общении с азербайджанцами. Высказывалось также мнение, что попытки спецслужб запрашивать информацию о деятельности миростроителей носят сугубо имитационный характер, поскольку у них есть все возможности получить подобную информацию без непосредственных контактов с представителями гражданского общества или журналистов.

Участники исследования затронули также роль армянской диаспоры в миростроительном процессе. Некоторые из них отмечали, что ее роль должна ограничиваться финансированием диалоговых инициатив. Содержательное вовлечение, скорее всего, усложнит процесс, потому что существует большая разница в интересах и представлениях между обществом Армении и армянскими общинами за рубежом. Даже когда представители диаспоры образованны, любят свою историческую родину, они редко в состоянии понять ситуацию просто в силу того, что они не проживают в Армении.

Другая группа респондентов видит в диаспоре потенциал содержательного участия. Это обусловлено ее «неуязвимостью» со стороны властей ряда стран

проживания. Поэтому представители этих армянских общин свободны от политической конъюнктуры и, опираясь сугубо на общечеловеческие ценности, могут формировать среду для диалога, в том числе, вовлекая в свою деятельность авторитетных фигур зарубежных стран. Кроме того, опыт других межэтнических конфликтов показывает, что диаспора может играть ключевую роль в мирных инициативах. В частности, так было в североирландском конфликте, когда именно ирландская диаспора решила больше не вкладываться в войну и направить средства на мирный процесс. Находясь постоянно внутри конфликта, подвергаясь риску потерять ощущение реальности, и в этом смысле свежий взгляд со стороны часто необходим.

В рамках исследования подчеркивалось, что диаспора не является единой структурой, она весьма разнообразна по взглядам и возможностям. Отдельные организации диаспоры не заинтересованы в урегулировании конфликта, так как вся их деятельность и финансирование могут оказаться под вопросом. Другие, наоборот, могут быть полезны своими знаниями, опытом, ресурсами и связями. Поэтому важно иметь четкие представления, какие сегменты создают препятствия для урегулирования, и с какими армянской дипломатии, в том числе, гражданской необходимо укреплять сотрудничество.

Высказывалась озабоченность, что часть армянской диаспоры, независимо от страны проживания стала «позорно пророссийской». Свою позицию ее представители объясняют тем, что, отдаляясь от России, «Армения попадет в пасть к турку... Турция придет и уничтожит вас...» Для этой категории зарубежных армян приемлема родина в статусе российской губернии.

Если роль диаспоры оценивалась большинством участников исследования с определенной долей скептицизма, то решающий вклад международных донорских организаций в урегулировании конфликта посредством гражданской дипломатии сомнений ни у кого не вызывал. Их поддержка называлась безальтернативной и незаменимой. Помимо ресурсного обеспечения, их вовлеченность придавала значимость «Track 2». Это, однако, не означало, что в деятельности международных доноров нет упущений и недостатков. Отдельные респонденты склонны были оценивать их работу как малоэффективную, а общий вклад недостаточным, что стало следствием низкого уровня приоритизации армяно-азербайджанского конфликта и роли неправительственного сектора. Распределение выделяемых средств не всегда способствовало их целевому использованию и продуктивной работе на местах. Как отметил один из представителей экспертного сообщества, сам факт, что практически все азербайджанские участники диалоговых проектов приветствовали войну 2020 года, свидетельствует о просчетах в деятельности международных партнеров и доноров. Кроме того, в частности, представители экологических организаций отмечали косвенное негативное воздействие на их работу по охране природы в регионе тех международных финансовых инструментов, которые нацелены сугубо на достижение экономических результатов.

Это подчеркивает важность периодического анализа деятельности в рамках «Track 2» и поиска путей повышения ее эффективности, идентификации тех инициатив и акторов, которые вносят реальный вклад в миростроительство.

Конкретно настоящее исследование выявило недостаток инклюзивности, разнообразного представительства на диалоговых площадках, создаваемых при содействии международных донорских организаций. В то же время в процесс должны вовлекаться, главным образом, участники, по-настоящему и искренне заинтересованные в мире. Встречи на этих площадках нуждаются в большей интенсивности и последовательности. Более подробно и с учетом как роли разных составляющих миростроительного процесса, так и особенностей «текущего момента» – в разделе «Выводы и предложения».

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Добавленная стоимость гражданской дипломатии может быть достигнута при условии, что она опережает повестку официального переговорного процесса. Когда на уровне первых лиц Армении и Азербайджана и на других межгосударственных дипломатических треках стороны более конструктивны и готовы идти дальше, чем позволяют себе участники «Track 2», актуальность последней может быть поставлена под сомнение. Намек на подобную ситуацию появился после 8 августа 2025 года. Это не означает, что перестает быть востребованной разъяснительная работа экспертов и журналистов для широкой армянской и азербайджанской аудитории. Однако она лишь одно из нескольких направлений гражданской дипломатии, далеко не исчерпывающее миссию последней.

Отставание «Track 2» от «Track 1» создает очевидные преимущества для той категории диалоговых программ, которая находится в непосредственном контакте с лицами, принимающими решения, что в свою очередь не может не сказываться на их независимости. При всей полезности условного «Track 1.5» он не может полностью заменить другие формы участия в миростроительстве, особенно затрагивающие проблемы, не включенные в текущую повестку официальной дипломатии – к примеру, окружающую среду, права и свободы человека, диалог через культуру, другие гуманитарные сферы. Поэтому для полноценного раскрытия потенциала гражданской дипломатии важно создавать условия для участия в ней тех, кто в свое время продемонстрировал эффективность, но в силу новых обстоятельств оказался маргинализирован.

Формированию режима доверия, наряду с исключением военной эскалации, разблокированием коммуникаций, делимитацией и демаркацией границы, в значительной степени могут способствовать решение проблем с пропавшими без вести и удерживаемыми лицами, налаживание контактов между жителями приграничных сел. Подобные инициативы требуют активного вовлечения гражданского общества и отражаются на восприятии мирного процесса на уровне семей, конкретных армян и азербайджанцев. Соответственно, всемерная их поддержка как международными структурами, так и национальными властями двух стран, способна существенно повлиять на улучшение климата в мирном процессе.

Важным шагом для вывода значительной части гражданского общества из изоляции от официального мирного процесса может стать развитие критического мышления в отношении осуществляемых властями шагов. Оно

позволяет отделять истинные намерения от имитации, креативные подходы от искусственного затягивания перспективных действий. Поддержка критического мышления, в частности, по теме конфликта особенно актуальна в условиях низкого качества образования, ангажированности значительных сегментов медиапространства и дефицита интеллектуального дискурса. Глубокий, смелый и профессиональный анализ, отказ от безусловного соглашательства создают предпосылки для нахождения альтернативных решений, стимулирования более энергичного прогресса. Подобный вклад неправительственного сектора приобретает особый смысл в сложившейся ситуации, когда международный и региональный контекст открыл перед Баку и Ереваном окно возможностей, которое может и захлопнуться вследствие медлительности и нерешительности сторон.

Как показывает изучение проектов последних лет, наиболее эффективными выглядят те, которым присуща публичность, умение вовлечь в обсуждение актуальных аспектов армяно-азербайджанских отношений широкую общественность. Учитывая разницу в системах управления двух стран, обсуждения за закрытыми дверями вряд ли ускоряют процесс урегулирования. Тогда как дискуссии, к примеру, в телевизионном эфире опосредованно вовлекают к участию всю их аудиторию. Таким образом, преодолевается отчужденность граждан Армении и Азербайджана от повестки двусторонних отношений и друг от друга.

Участники «Track 2» должны отказаться от агрессии и односторонних в своей категоричности взаимных обвинений. Но вместе с тем им должны быть присущи открытость и готовность не избегать острых углов. Такое сочетание навыков ведения диалога, как на медийных площадках, так и в других форматах предполагает не только отбор способных к конструктивным обсуждениям собеседников, но и эффективную модерацию.

С одной стороны, эффективному диалогу в рамках гражданского дипломатии способствует приглашение заинтересованных, востребованных, компетентных и пользующихся определенным доверием экспертов других стран, прежде всего, вносящих свой вклад в мирный процесс (Европейского Союза и отдельных его членов, США). К потенциальному вовлечению к обсуждениям России, которая сохраняет рычаги влияния на Южный Кавказ, сформировалось устойчивое негативное отношение участников миростроительных инициатив как в Армении, так и в Азербайджане. Однако пересмотр Москвой характера своей вовлеченности в дела региона, уважение к его суверенитету как на официальном уровне, так и в экспертно-аналитической среде может открыть двери и для российских представителей. Вместе с тем, включение темы армяно-азербайджанского урегулирования в широкий региональный и международный контекст не отменяет приоритетность прямого армяно-азербайджанского диалога.

Прорыв, имевший место 8 августа в Вашингтоне, повышает статус двустороннего формата как ключевого для перспектив развития региона. Это, безусловно, касается не только официального уровня, но и гражданской дипломатии. В том числе, стороны должны воспользоваться ситуацией и

наладить проведение мероприятий в рамках диалоговых проектов непосредственно в Армении и Азербайджане.

Перспективы формирования благоприятных условий для «Track 2», наряду с позитивом, несут в себе определенные риски. «Мода» на миростроительство не может не привлечь к нему конъюнктурное внимание и интерес как в самих Армении и Азербайджане, так и внешних игроков. В связи с этим актуальность приобретает задача разграничения последовательных, ответственных участников процесса и его ситуативных «спутников».

Обязательным элементом сотрудничества представителей медийного и экспертного сообществ двух стран должны стать меры по противодействию дезинформации и пропаганде вражды и ксенофобии, гибридным методам, направленным на разжигание или консервацию конфликта. На смену использованию друг против друга внешней пропаганды, усиливающим взаимную неприязнь информационным вбросам из третьих стран, должны прийти совместные защитные механизмы. В частности, актуальным представляются изучение инструментария деструктивной пропаганды, препятствующей достижению согласия между Баку и Ереваном, разработка соответствующего «противоядия» и гармонизация этих усилий с позитивными совместными шагами в информационно-аналитической сфере.

Как неоднократно отмечалось в ответах участников данного исследования, опыт, достижения и неудачи армяно-азербайджанской гражданской дипломатии требуют регулярного изучения и анализа. Обновление знаний о ее динамичной истории и текущем состоянии является ресурсом для генерации новых идей и запуска практических инициатив.

www.ypc.am